

Эти строки считающейся народной песни на стихи Юрия Голубенского мне вспомнились, когда я дочитала повесть Максима Лаврентьева «Воспитание циника» (ООО Группа компаний «Рипол-классик», М., 2019). Максим Лаврентьев... В 33-летнем возрасте главный редактор (с 2008 по 2010 г.) созданного Максимом Горьким журнала «Литературная учёба», где я публиковалась. Мы познакомились на одной из литературных встреч, когда М. Лаврентьев посетил Петербург. Этот период его деятельности высоко оценил В.В. Огрызко — главный редактор газеты «Литературная Россия»: «Лаврентьев сделал невозможное. Он фактически возвратил “Литучёбу” из небытия. Журнал стал площадкой для острых литературных дискуссий. Он зафонтировал неожиданными идеями. В нём исчезла слащавость, зато появились соль и перец». При следующем главном редакторе — А. Варламове он, к сожалению, пополнил список «толстых» журналов, почивших в бозе. После творчество критика и поэта М. Лаврентьева как-то исчезло с моего горизонта. И вот совсем недавно увидела его стра-

ницу ВКонтакте, где он преимущественно публиковал стихи и информацию о последнем своём творении — «Псалмы Давида». Среди многочисленных постов мелькнуло сообщение о его книге прозы «Воспитание циника», вышедшей три года назад. На вопрос, где её можно приобрести, он ответил, что в Москве она распродана. В петербургском «Доме книги» и «Книжной лавке писателей» ответ тот же — нет, но обрадовал вездесущий Озон; и мне доставляют *последний* экземпляр повести объёмом около 10 печатных листов. В наше время это объём почти романа.

Главный герой романа — московский болезненный в детстве мальчик, «вечно под опекой мамы, не спускавшей с меня настороженно-влюблённого взгляда», живущий с мамой в пятикомнатной квартире, уже «в то же время чувствовал свою особость, исключительность» (с. 12–13), становится сначала слушателем подготовительных курсов, где читали стихи и пили, а затем и студентом Литературного института. Автор, сам выпускник ЛИТа, с изрядной долей сарказма рассказывает и о своих преподавателях — одна из них, замужняя 35-летняя женщина, забрасывает его весьма комплиментарными стихами, о гордости ректора за бесплатные обеды, которыми кормили студентов, и о разочаровании рассказчика студентками ЛИТа, которые «выглядели оципанными курицами. За исключением, пожалуй одной. У неё было необычное и запоминающееся имя Наина, смеющиеся карие глаза и длинные каштановые, рыжевшие на солнце волосы» (с. 15).

Автор следует законам постмодернизма, давая героине повести имя пушкинской колдуньи из «Руслана и Людмилы», которая очень поздно узнаёт любовь. В повести Наина ещё до встречи с рассказчиком познала и радость первой любви, и предательство, и обман, и измену, и горькое счастье материнства матери-одиночки, перед которой стоит задача найти не только любовь, но и мужа, способного содержать её с сыном и стать настоящим отцом для него. Герой повести, двадцатилетний девственник, который — по отзывам предыдущей подружки — не умеет даже



Максим  
Лаврентьев



целоваться, буквально околдован этой женщиной «с опытом». Талантливо описана страсть, захватившая героя повести на фоне драматических событий жизни страны.

Наина — партнёрша рассказчика — с изрядной долей цинизма оценивает перспективы развития их отношений и параллельно решает свои финансовые проблемы, без колебаний и сомнений принимая предложение преподавателя ЛИТа по имени Саид стать девушкой по вызову для его друзей. Обман, предательство? Правда, однажды ей приснилось, что она совершила *предательство*, но отнюдь не по отношению к сегодняшнему сексуальному партнёру, мальчику-поэту, проводившему много часов в Музее изобразительных искусств им. Пушкина, критически рассматривая копии античной скульптуры и картины импрессионистов. Она «предала» Колю — свою первую любовь, Колю, отказавшегося признать своим их сына! Весьма своеобразные представления о морали у студентов ЛИТа — будущих «инженеров человеческих душ». «Нормальная» жизнь околоторческой богемы?

Главный герой, от имени которого ведётся рассказ, столь откровенно описывает сексуальные сцены и испытываемые им ощущения, что писатель Сергей Есин, один «из ректоров Литературного института», даже считает, что «с такой откровенностью и смелостью секс ещё не описывался» (стр. 3). По меньшей мере, несколько странное утверждение... А «Венера в мехах» Захера Мазоха (1870 г.) или поближе по времени «Любожид» Эдуарда Тополя, например? Но наклеить на повесть (18+) ярлык «порнографического издания», как это сделали некоторые «критики», — это уж слишком. СТРАСТЬ! Страсть с большой буквы. Конечно, «Амок» Цвейга написан более целомудренно. «И в пролёт не брошусь, /И не выпью яда, /И курок не смогу над виском нажать/ Надо мною, кроме твоего взгляда / Не властно лезвие ни одного ножа», — выплеснул всю силу своей страсти к некоей Лиле Брик Владимир Маяковский почти сто лет назад.

Столкнувшись с предательством любимой, рассказчик мгновенно взрослеет: это уже поступок не мальчика, но мужа! Стресс у героя... «К вечеру неожиданно поднялось давление, сердце сильно и гулко забилось. Пока ехала “скорая помощь”, я, лёжа в своей комнате, лязгал зубами от страха: мне казалось, что это пришла смерть. “Сильное переутомление” — таков был вердикт “скорой помощи”. Целыми днями я лежал в постели — спал, а проснувшись, пил смесь пустырника и валерианы (...) И вздрагивал при каждом телефонном звонке...» (Стр. 92).

Но трагического финала а ля «Амок» Цвейга не последовало: неврастению подлечили, случайная встреча рассказчика с Наиной и её признание в любви (кстати, первое, до этого в дневнике студентки было только циничное описание расчёта и секса) закончилась весьма ожидаемо:

«Стеклянная дверь закрылась за ней.

— Дура... Писательница чёртова...

Разумеется, я не позвонил и никуда не поехал. Больше она не подходила ко мне» (стр. 95–96).

Первая часть повести (96 страниц) заканчивается небольшим послесловием. «Через пять лет, уже в новом тысячелетии, все те, кто осилил учёбу, благополучно окончили институт и разлетелись кто куда — *места в литературе ни для кого из нас всё равно не было* (Курсив всюду мой — Т. Л.)». Горькая ремарка о бесцельно прожитом пятилетии?

Впрочем, это не единственная ремарка о реальной жизни постперестроечной России на фоне пылающей любовной страсти героя. Например, предмет гордости ректора ЛИТа — бесплатные обеды — главный герой оценивает так: «На первое давали обычно скучные щи или — верный признак дешевизны — суп из перловки, на второе макароны с зеленоватыми сосисками, да ещё набивший оскомину тёплый компот из сухофруктов. Я чаще всего воздерживался от принятия такой пищи или отдавал Наине *по её просьбе* — она уплетала сомнительные институтские яства за обе щёчки» (стр. 19). Вот один из фрагментов перестроечных 90-х годов XX века с расслоением общества, голодными обмороками зачастую учителей и преподавателей вузов, которым месяцами не платили зарплату. А рядом новогодний стол у матери рассказчика, где «... на жаркое была утка, обложенная варёным картофелем» (стр. 42). Это конечно, не вазочка с чёрной икрой, которую ест ложкой ценитель чёрной икры золотистого цвета Виктор Ерофеев вместе с хозяйкой немецкого ресторана, и не меню ресторанов Куршавеля, но всё же, всё же...

Или ещё яркий социальный фрагмент встречи нового года у матери героя: «Выпивая, обсуждали последнюю новость: российские войска выведены из Чечни.

— Позор! Просто позор! — кипятился дядя Боря. — А вспомните, какая была страна у нас, а? (...) Но ведь этот меченый просто развалил всё, а потом другой, беспальный, окончательно всё просрал!.. (...)

Наина *смеялась*» (стр. 42).

Одним словом «смеялась» М. Лаврентьев показал глубокую пропасть, разделившую в 1990-е годы взгляды поколений детей и отцов на историю страны. Во второй части — отметит рассказчик — Наина станет-таки писательницей весьма и весьма либерального толка.

В отличие от М. Лаврентьева, написавшего повесть из двух частей, её герой пишет роман и в мысленном споре с редакторшей, отвергнувшей его произведение, формулирует своё кредо.

«Я — голос поколения, воспеваю годы хаоса и развала, пору всеобщего отчаяния и безнадёги, когда, не сговариваясь, как последние язычники, устроили мы оргию во имя Вакха и Венеры, затеяв чудовищно прекрасный праздник юности и любви *среди обломков поверженной империи...*» (стр. 98). «Голос поколения» исходит из «Евгения Онегина»<sup>1</sup>, правда без Марса? Но полагаю, что сформулированное кредо в полной мере можно отнести и к первой части повести М. Лаврентьева. Любовь как протест? Продолжение того самого протеста из детства болезненного (но с «особостью») мальчика под неустанной опекой мамы: «...чем плотнее меня опекали, тем всё более непримиримые формы принимало моё неповиновение» (стр. 12).

Вторая часть повести — значительно слабее первой — это последовательный рассказ о сексуальных отношениях взрослеющего рассказчика — редактора одного из толстых журналов, — как с поклонницами из студенческой жизни, так и с новыми подругами. «На то она и первая любовь, /Чтоб вслед за ней/ Скорее шла /Вторая»? Нет! О любви здесь больше речь не идёт. Да и о страсти тоже. Только секс, причём частенько рассказчику приходится демонстрировать свою изворотливость, когда отношения развиваются параллельно. И хотя герой женится на студентке, подрабатывающей продавщицей в книжном магазине, с символическим именем Констанца (надежда на постоянство?), но образ его жизни — «не моралиста» — совсем не меняется. Правда, некоторые вопросы у рассказчика по этому поводу возникают: «А может быть, только для того я так подробно всё описываю, чтобы влить новые силы в своё сорокалетнее, уже угасающее либидо?». Как говорится, ему виднее.

---

<sup>1</sup> «Друг Марса, Вакха и Венеры / Тут Луин дерзко предлагал / Свои решительные меры / И вдохновенно бормотал» — Из X главы «Евгения Онегина» А.С. Пушкина.

И вдруг по сюжету крутой поворот — неожиданная встреча с Наиной, спустя двадцать лет. «Итак, моя первая женщина, моя прекрасная и ужасная Наина, явилась передо мною снова. (...) Но в отличие от прочих, чужих и посторонних, всё в ней для меня было мне знакомо и памятно. Всё было — я удивился, отчего это слово пришло мне на ум, — священо.

Конечно же, я не забыл ни её дневника, ни её предательства. Ту, прежнюю Наину, я по инерции презирал и ненавидел. А эту?» (стр. 155).

По законам постмодерна на страницах романа появляется пушкинская Наина, которая лишь в старости узнала, что сердце «...для нежной страсти рождено». И снова аллюзия на «Евгения Онегина» — постмодернистская вариация письма Татьяны Онегину — письмо Наины рассказчику с обещанием «полной верности». Рассказчик, ощутивший себя свободным, принимает решение у стен любимого и ненавидимого Литературного института, который «... Чудовищными своими корнями оплёл, схватил и сдавил он душу мою» (стр. 183). А в финале — неизбежный крах и второго пришествия любви. И для героя, и для героини.

Повесть — первая часть, а в совокупности со второй половиной я бы её назвала романом, — написана талантливо. Мне кажется, что «редакторша» (персонаж со стр. 97 повести), увидевшая главного героя малосимпатичным «самовлюблённым циником», не права, несмотря на сравнительно большой донжуанский список героя и рекламное название книги М. Лаврентьевым — «Воспитание циника». Это, повторюсь, увлекательный, легко читаемый роман о первой любви не только рассказчика, но даже циничной — в значительной степени в силу социальных условий — Наины.

«На то она и первая любовь, / Чтоб мы её / Всю жизнь не забывали».

*P.S:* В конце повести читатель узнаёт настоящее имя героя — Ицхак. Это библейское имя, единственный раз прозвучавшее в повести, в переводе с иврита означает: «он смеётся». Некоторые критики в рецензиях обсуждают загадку имени, доходя в своих предположениях, что эта повесть иронического характера, автор просто смеётся. Но если это смех, то это смех сквозь слёзы.